

Это был день, когда лепестки сакуры обрушивались с неба, словно дождь.

Вероятно, ещё сказывались следы минувшей ночи, потому что с самого утра с деревьев опадала вишнёвая метель. Небо, вымытое дочиста, сияло ослепительным солнцем в самом центре. Спасаясь от палящих лучей, люди спешили укрыться в тени деревьев, выстроившихся вдоль улицы.

В толпе, наслаждавшейся цветочным ливнем, Джи Джехёк шёл один, ровно посередине дороги. Не слишком близко к другим и не слишком далеко — он держался по центру, где солнечный свет обжигал кожу.

— Хёк-а.

Имя окликнули из-за плеча, когда он брел в одиночестве. Чистый и спокойный голос мягко коснулся слуха — в нём чувствовалась такая весомая уверенность, что невозможно было просто пропустить мимо ушей. Даже не оборачиваясь, Джехёк знал, кто это. Он постепенно сбавил шаг. Рядом с его белыми кедами, застывшими на асфальте, появилась пара коричневых туфель.

Он слегка повернул голову — и увидел того, кого и ожидал. В лучах яркого солнца это ослепительно светлое, бледное лицо всё ещё не успело стать привычным, сколько бы раз он его ни видел. Острые, выразительные черты сразу приковывали взгляд — это был не кто иной, как Юн Сиху, которого Джехёк знал ещё со старшей школы.

— Ты пришёл рано, — ровно сказал Джехёк Сиху, который естественным движением встал рядом с ним. Выражение его лица почти не изменилось, но на самом деле он был рад. Сиху был единственным человеком в кампусе, рядом с которым Джехёк чувствовал себя легко, и его появление приносило облегчение.

— Ага, если я опоздаю ещё раз, боюсь, мои оценки действительно могут пострадать, — ответил Сиху.

Даже на сухое приветствие Джахёка его губы тронула лёгкая улыбка. Одного этого крошечного изменения в лице было достаточно, чтобы оно преобразилось, засияв ослепительным светом. Взгляды, что преследовали его с самого утра, словно иглы впивались в кожу Джахёка.

Ощувив их колющий вес, Джахёк потёр лоб. Откинув назад аккуратно подстриженные чёрные волосы, он бегло огляделся. Кто бы ни попадался на глаза — парни или девушки, — все бесстыдно пялились на Сиху.

Хотя Джахёк уже привык к присутствию Сиху, он всё ещё не мог до конца смириться с этим. Человек, сияющий так ярко, неизбежно притягивает взгляды, и, как бы Джахёк ни понимал эту истину, легче от неё не становилось.

Он заставил себя не обращать внимания. Стоило начать реагировать на чужие взоры — и внутри поселилась бы тревога. Лучшим выходом всегда было притвориться, что ничего не замечаешь.

— Им, наверное, всё сходит с рук, потому что это ты, — сказал Джахёк, переводя разговор на другую тему.

Сиху был из тех, кто часто засиживался за выпивкой, и потому по утрам вечно опаздывал на пары — будь то общие факультативы или обязательные курсы. То, что преподаватели продолжали закрывать на это глаза, скорее всего, объяснялось одной из многочисленных сплетен, что вились вокруг Сиху. Он притягивал к себе столько же перешёптываний, сколько и взглядов.

— Слышать такое от тебя даже обидно, — отозвался Сиху, и по тону невозможно было понять, шутит он или говорит всерьёз. Судя по улыбке на его лице, это явно была шутка, но на мгновение Джехёка кольнула лёгкая совесть. Ему показалось, что он сморозил бестактность по отношению к человеку, и без того обременённому слухами. Впрочем, Джехёк и сам был не чужд доукуке сплетен.

— Виноват, — сказал Джехёк, и в голосе его прозвучало искреннее сожаление.

Когда Джехёк тихо произнёс это, Сиху слегка приподнял брови.

— За что ты сейчас извиняешься?

При таком серьёзном тоне Джехёка Сиху тихо рассмеялся, и на его лице застыло выражение: «Ну ты даёшь». Широкая ладонь легла на плечо Джехёка. От этого естественного жеста Джехёк на миг вздрогнул, тело рефлекторно напряглось, но он тут же успокоился. Если бы на месте Сиху был кто-то другой, это было бы невыносимо, но с Сиху — всё в порядке. Может быть, потому что он был тем самым другом, который оставался рядом с Джехёком дольше всех.

— Выходит, мне даже пошутить с тобой нельзя, да?

Глубокий смех Сиху — каждый раз, сколько бы Джехёк его ни слышал, он звучал по-новому — щекотал слух.

— Ну, я всё равно неправ, — твёрдо стоял на своём Джехёк, игнорируя то, как Сиху обращается с ним, словно с ребёнком. Сиху снова рассмеялся. Джехёк понятия не имел, что того так

веселит.

— Ты, по крайней мере, можешь говорить мне что угодно. Хотя ты никогда этим не пользуешься, — сказал Сиху с дразнящей ноткой.

Один из слухов, что вились вокруг Юн Сиху, гласил, что он — сын семьи чеболей. Эта история прилипла к нему ещё со времён старшей школы, хотя никто толком не знал, правда ли это. Судя по его стилю и манере тратить деньги, всё выглядело правдоподобно, но Джехёк никогда не видел ничего похожего на дорамы — ни шикарной иномарки, ни телохранителей, приезжающих за ним.

Сиху никогда не опровергал и не подтверждал эту молву. Его манера — позволять людям думать что угодно — касалась всего. Ему было всё равно, хорошее о нём говорят или плохое. Сиху просто делал то, что хотел.

Наверное, именно поэтому вокруг него всегда толпились люди, но никто из них не задерживался надолго. Казалось, он был открыт, но на самом деле никогда не рассказывал о себе. Не то чтобы он что-то умышленно скрывал, — просто никто по-настоящему ничего не знал о Юн Сиху.

Людям свойственно испытывать ожидания. Даже когда они утверждают обратное, кажется, что надеяться на что-то от другого человека — почти инстинкт. Те, кто приближался к Сиху, часто бывали уязвлены или разочарованы его закрытостью и в конце концов уходили. У всех была одна и та же надежда — что близость к такому необыкновенному человеку может сделать особенными и их.

В отличие от Сиху, Джехёк не держал людей рядом с собой. На то было множество причин. Он не хвастался этим и никогда не говорил о них, но большая часть была связана с тем, как он вырос.

Джи Джехёк был сиротой и жил на правах пансионера в чужом доме. Он не считал это большим недостатком — проблема не возникала, пока он сам не заговаривал об этом. И всё же из-за некоторых происшествий, связанных с его прошлым, Джехёку было трудно сближаться с людьми. Его аккуратная внешность привлекала тех, кто приходил с собственными ожиданиями, но когда они осознавали, насколько он эмоционально отстранён, начинали распускать о нём сплетни.

Причина, по которой Джехёку удалось остаться рядом с Сиху, крылась в одном, что их объединяло: они никогда не заводили близких друзей. За их безупречной внешней полировкой скрывались непредсказуемые натуры, которые каким-то образом связали их и до сих пор удерживали рядом как друзей.

— Ты слишком много думаешь, — сказал Сиху, легонько ткнув Джехёка в лоб. Прикосновение кончика пальца было прохладным, но Джехёк слегка отвернулся — ему было неловко от такой близости. В отличие от Джехёка, Сиху не стеснялся проявлять физическую нежность. Хотя Джехёк знал, что это просто привычка, порой это всё равно ставило его в тупик. Ему это не было неприятно — просто вызывало смущение, поэтому он перевёл тему.

— Опоздаем. Пойдём.

Они редко посещали пары вместе. Хотя учились в одном университете, их специальности были разными, поэтому видеться удавалось только на общих факультативах. Джехёк хотел прийти вовремя, чтобы занять хорошие места.

— Ага.

Не выказывая ни тени смущения, Сиху естественно убрал руку. Ладонь, только что лежавшая на плече Джехёка, переместилась на другую сторону, и он притянул его к себе в

непринуждённом полуобъятии. Прохладная температура тела Сиху помогла остудить Джехёка, разогревшегося под солнцем.

Сиху, который был выше Джехёка — такое случалось нечасто с другими, — похоже, получал удовольствие, кладя руку ему на плечи, говоря, что это идеальная высота. Хотя разница в росте была небольшой и поза выходила даже немного неудобной, Джехёк позволял ему эту единственную вольность.

Гуманитарный корпус, аудитория 3, первый этаж

Несмотря на ранний час, третья аудитория на первом этаже здания общеобразовательных дисциплин уже была заполнена. Утренние лекции по общим курсам обычно страдали от неявок из-за времени, но у профессора Пёна посещаемость была высокой. Тому способствовало и то, что это был обязательный общий курс, построенный вокруг просмотра фильмов, — такие предметы пользовались популярностью. К тому же первокурсников, не успевших записаться, было мало, так что в основном аудиторию заполняли старшекурсники, серьёзно относившиеся к своим оценкам.

Как только Джехёк вошёл в аудиторию, со всех сторон посыпались приветствия в адрес Сиху. Благодаря своей популярности тот, казалось, был знаком с людьми с самых разных факультетов. В этом крылось почти противоречие — человек, который никого не подпускал близко, но при этом был знаком с таким множеством людей.

Сиху бросил на Джехёка взгляд с виноватой улыбкой, словно говоря: «Ну что поделаешь?» Джехёк лишь пожал плечами. Он привык к такому. Оставив Сиху разбираться с его почитателями на минуту, Джехёк направился к свободным местам на заднем ряду. Он поставил рюкзак, заняв место для Сиху, и сел.

Едва он устроился, как кто-то похлопал его по спине.

— Эй, слышал, тебя снова отшили?

Насмешливый голос заставил Джехёка бесстрастно обернуться. Прямо за ним стоял Ким Иджун, сокурсник с факультета физкультуры. Иджун, который также играл в футбольной команде, был дружелюбным и общительным парнем ещё с первого курса и всегда первым заговаривал с Джехёком.

Несмотря на холодность Джехёка, Иджун, казалось, никогда не уставал от него. С первого дня его поведение оставалось неизменным. Кроме Сиху, Иджун был, пожалуй, единственным человеком в университете, кого Джехёк мог считать более-менее близким знакомым.

— Не пытайся меня этим взглядом запугать. Все уже и так знают, — поддразнил Иджун, ухмыляясь.

Джехёк нахмурился и провёл рукой по волосам. Слышать о такой неприятной теме с самого утра было до тошноты досадно.

— Откуда ты вообще всё это узнаёшь? — спросил Джехёк.

Каждый раз, когда случалось нечто подобное, Иджун первым обо всём узнавал и приходил докучать ему.

— Хон Рина разревелась и рассказала всему факультету, — пояснил Иджун, продолжая смеяться. — Она говорила так, будто это её бросили, хотя это она с тобой рассталась. Просто нелепо.

История с Хон Риной случилась недавно. Она призналась ему во время зимних сборов, а на днях сама же с ним рассталась. Джехёк даже принёс цветы, когда она сказала, что им нужно поговорить, — но усилия пошли прахом, когда Рина со слезами попросила о разрыве. Забавнее всего то, что цветы она всё равно забрала.

— Так зачем она с тобой рассталась?

Иджун наклонился вперёд, почти усевшись на парту, явно требуя подробностей. Джехёк молча достал из рюкзака тетрадь. Аккуратно разложив ручки, он дал свой обычный ответ:

— Откуда же мне знать? Это меня бросили.

<http://bllate.org/book/13227/1735059>